

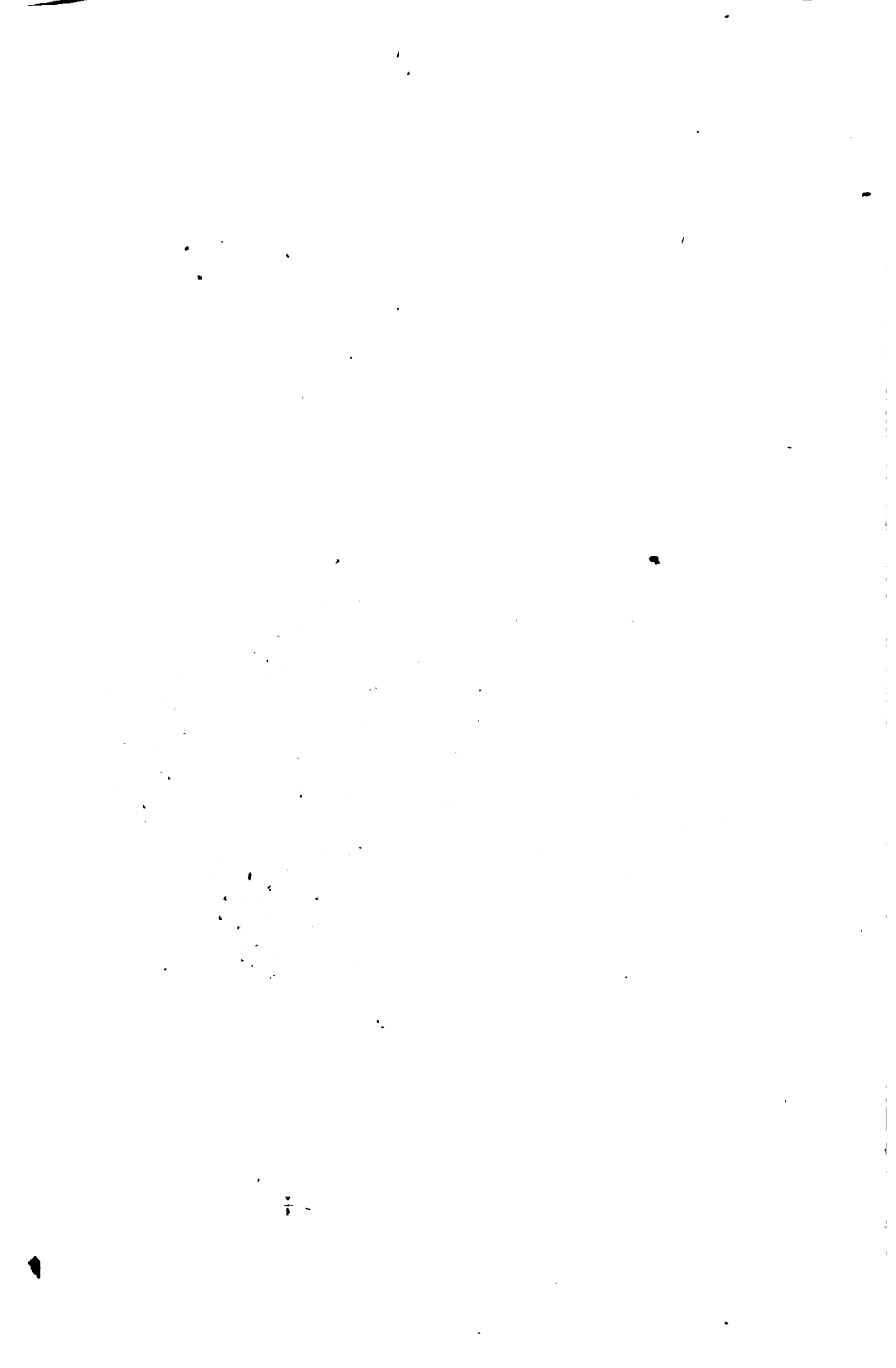

В. А. Жуковскій.
(1816)
(Съ портрета Кипренскаго).

В. А. ЖУКОВСКИЙ

И

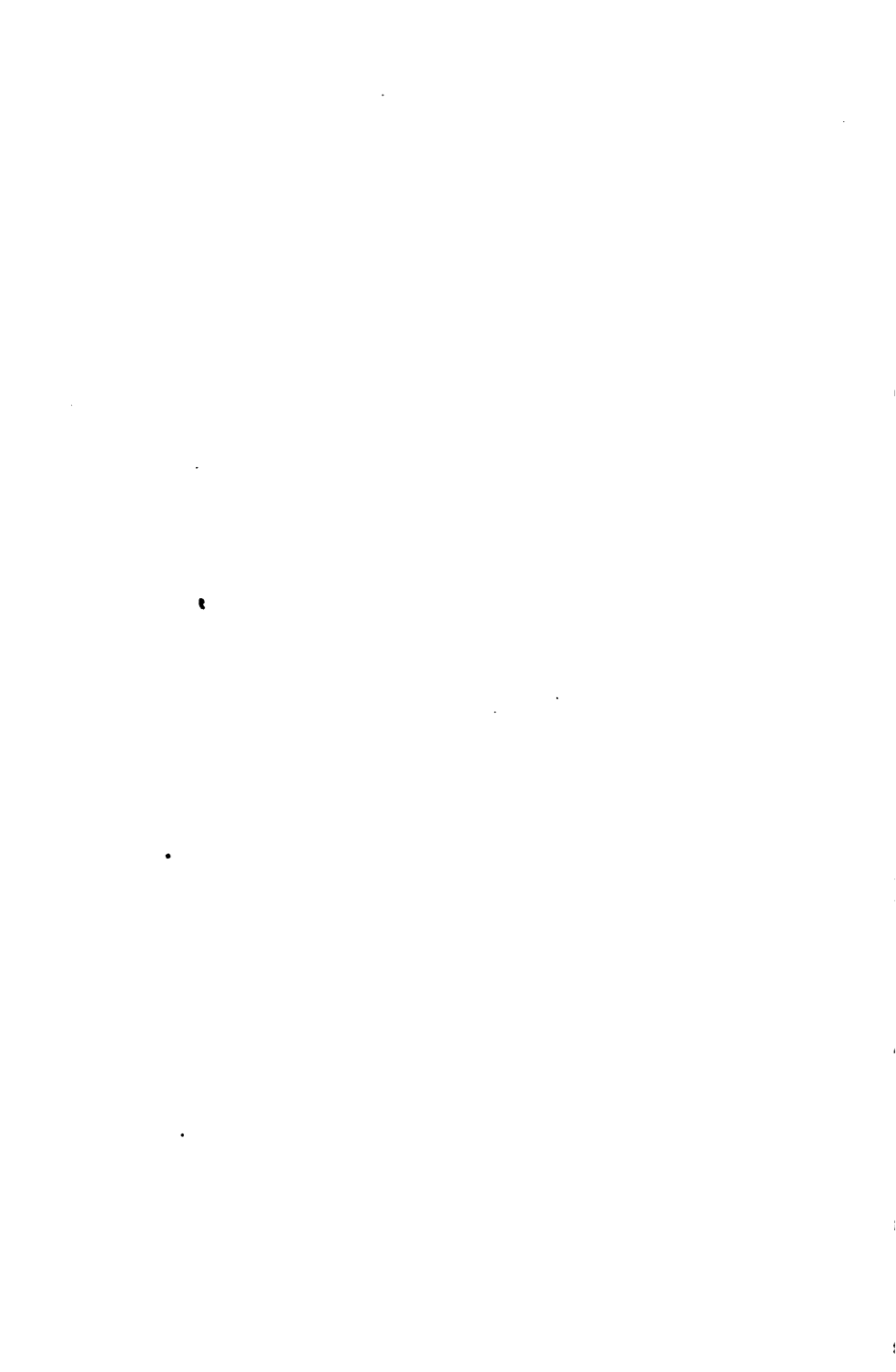
ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ

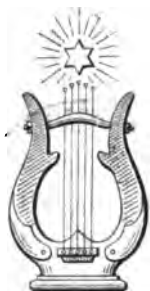
В. А. ЖУКОВСКИЙ

и

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

В.А.ЖУКОВСКІЙ
И
ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Сочиненіе Л. Загарина.

Изданіе второе, дополненное.

Съ приложеніемъ 8 фотогравюръ, автографовъ и нотъ

МОСКВА.

Изданіе Льва Поливанова.

1883.

Право воспроизведенія фотогравюръ, фотолитографій,
являющихся здѣсь впервые, принадлежитъ издателю.

Дозволено цензурой. Москва 3 апрѣля 1893 года.
Типографія М. Н. Лаврова и Комп., Леонтьев пер., св. домъ.

114
011771

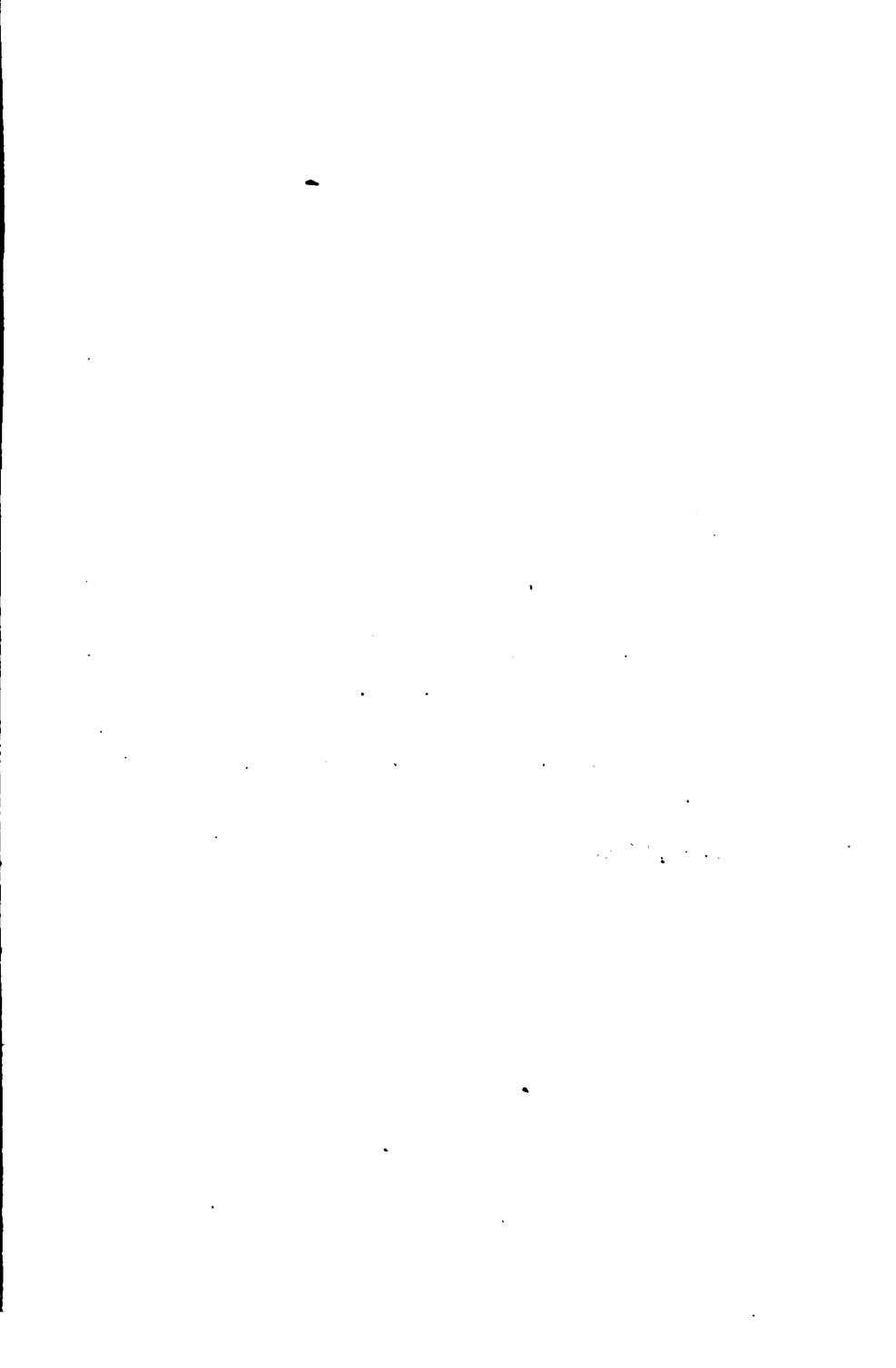
ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Второе изданіе предлагаемой книги въ текстѣ пополнено немного, но приложенія умножены. Внесены вновь: 1) Постановленія для воспитанниковъ Благороднаго пансіона (прил. I); 2) шесть главъ и отрывки еще изъ двухъ главъ „Донъ-Кихота“ въ переводѣ Жуковскаго (прил. III); и 3) Черты народной поэзіи въ „Ленорѣ“ и «Свѣтланѣ» (прил. IV).

Дабы сдѣлать книгу дешевле, фотогравюрь и пр. приложено лишь *восемь*, вмѣсто 29-ти перваго, юбилейнаго, изданія.

Левъ Поливановъ.

1883. Апрѣля 3.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ эпохи подъема умственныхъ интересовъ, слѣдующія за сильнымъ напряженіемъ въ сферѣ дѣйствія, выражается несомнѣнный законъ жизни, въ которомъ заявляетъ свои права человѣческій разумъ. Было бы крайне односторонне объяснять эти отливы энергіи общественной воли только насиліемъ и произволомъ лицъ, держащихъ въ рукахъ своихъ судьбы человѣческихъ обществъ. Самые лица эти—не порожденіе ли свободного, хотя порою и молчаливаго соглашенія умовъ, требующихъ покоя для удовлетворенія насущной потребности самоуглубленія и развитія идей, которымъ впереди предстоитъ новое проявленіе въ сферѣ практической?

Въ такіе періоды общественной жизни, отъ великихъ полководцевъ, людей государственныхъ, интересовъ политическихъ—общее вниманіе переносится на мыслителей, ученыхъ и художниковъ, на интересы жизни внутренней и теоретическаго знанія, на вопросы нравственные и религіозные.

Празднымъ дѣломъ было бы рѣшать, которое изъ обоихъ состояній общества, представляющихъ реакцію

другъ другу, слѣдуетъ считать нормальнымъ. Жизнь народная слагается изъ обоихъ явленій: слѣдовательно нормою исторической жизни должно признать совокупность ихъ обоихъ. Пора усиленной энергіи стремится осуществить то, что накапливаетъ пора раздумья: пора раздумья приводитъ къ сознанію результата прежней эпохи дѣйствія.

Поэтъ, о жизни и сочиненіяхъ котораго предстоитъ намъ бесѣдовать съ читателемъ, принадлежитъ той порѣ исторіи нашего отечества, да и всей Европы, когда за эпохой дѣйствія, ужаснувшей весь міръ своею силою и потоками крови, пролитой революціей и всемірнымъ завоевателемъ, — наступила почти сороколѣтняя пора интересовъ литературно-художественныхъ и господство философіи, этой „приготовительницы дѣлъ“, по выраженію Фихте. Такое направленіе не могло не отразиться на скромно-распускавшейся литературѣ нашей, возраставшей подъ воздѣйствіемъ Запада.

Жуковскій выступилъ на литературное поприще въ ту эпоху, когда въ литературѣ европейской вполнѣ обозначились результаты образованности XVIII вѣка.

Въ основаніе европейской философіи легъ дуализмъ Декарта. Дуализмъ этотъ на почвѣ германской выразился въ философіи Вольфа. Его система закрѣпила въ умахъ Германіи ученіе о двухъ не имѣющихъ внутренней связи началахъ бытія: о жизни внутренней и душѣ съ одной стороны — и жизни внѣшней и тѣлесномъ организмѣ съ другой.

Черезъ это уничтожалась въ корнѣ цѣльность міро-

созерцанія. Мысль не вѣдала связи реальной жизни съ міромъ идеальнымъ, потому что этотъ послѣдній съ такой точки зрѣнія обращался въ чисто субъективное созданіе грезящей души. Такой же внутренній разладъ между областью высшихъ идей и пониманіемъ дѣйствительности укоренился въ умахъ англійскихъ и французскихъ деистовъ. Соотвѣтственно тому, не трудно было и матеріализму совсѣмъ отвергнуть бытіе міра трансцендентальнаго и исключить его вовсе изъ области идей своихъ. Словомъ—въ европейскихъ воззрѣніяхъ XVIII вѣка царилъ крайній дуализмъ. Мистицизмъ и піэтизмъ съ одной стороны, матеріализмъ—съ другой были естественными послѣдствіями этого дуализма.

Такое воззрѣніе не могло не отразиться и на искусствахъ — и вотъ мы видимъ пониманіе изящнаго, какъ простаго приспособленія изображеній дѣйствительныхъ явленій къ дѣятельности субстанціи мыслящей, которая, сознавъ какое-либо понятіе въ логической формѣ, затѣмъ уже приписываетъ образъ для его выраженія. Дѣломъ поэзіи считалась лишь безукоризненная версификація и правильный планъ, логически построенный; изящный образъ, какъ украшеніе виѣшнее, легко снимался съ логической подкладки любого произведенія. Таковы основанія ложно-классической теоріи и реторическаго направленія того времени.

Эти условія поэтическаго творчества, которыхъ не могъ избѣжать и нашъ геніальный ученикъ Вольфа, овладѣли всецѣло литературной практикой XVIII вѣка и въ нашемъ отечествѣ.

Возрастаніе Жуковскаго совпало съ новымъ движеніемъ въ области европейской философіи и поэзіи. Новый вѣкъ, подготовленный французскимъ отрицаніемъ и зиждательнымъ духомъ Германіи, выдвинулъ и развилъ тѣ идеи, которыя уже выразились въ произведеніяхъ Клопштока, Виланда, Лессинга и Гердера. Звѣзда Гёте еще не закатилась, и такъ недавно умеръ Шиллеръ въ полномъ развитіи своего таланта.

Ближайшее знакомство съ жизнію и произведеніями Жуковскаго убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ былъ явленіемъ самобытнымъ. Способъ, какимъ онъ выражалъ свои идеи—по большей части въ переводахъ и подражаніяхъ иностраннымъ авторамъ—породилъ ложный взглядъ на исключительное значеніе Жуковскаго какъ переводчика. Не говоря уже о томъ, что многія изъ его произведеній, внушенныхъ ему иностранными поэтами—только подражанія,—переводы его заключаютъ такъ много своего, что большую ошибку дѣлають тѣ, кто думаетъ по этимъ переводамъ знакомить съ литературою иностранною. Злая насмѣшка его недоброжелателя, который въ извѣстной комедіи своей проситъ поэта нашего

Гомера не влюблять,
въ сущности имѣетъ основаніе. Жуковскій искалъ всюду отголоска собственной души, будь то Шиллеръ или Байронъ, Овидій или Клопштокъ, Грэй или Парни.

Напрасно станемъ мы объяснять міровоззрѣніе Жуковскаго какимъ-либо однимъ изъ теченій времени. То не метафизика деизма, не мистика масоновъ и

не чистое воззрѣніе церкви; такъ же мало оптимистъ, какъ и пессимистъ, онъ не былъ выразителемъ ни эвдемонизма, ни аскетическаго самоумерщвления.

И однако же въ цѣльномъ и законченномъ міровоззрѣніи Жуковскаго мы найдемъ элементы всѣхъ этихъ теченій. Нужно было имѣть много своеобразности въ душевномъ складѣ, чтобы изъ этихъ противоположностей образовать одинъ міръ идей, свой собственный, не рѣдко именно вопреки тѣмъ окружающимъ вліяніямъ, которыя захватывали всякаго изъ его современниковъ. Даже въ литературныхъ пріемахъ и въ столь родственномъ душѣ его настроеніи литературнаго круга, гдѣ онъ вращался,—онъ сумѣлъ остаться оригинальнымъ. Безслѣдно пронеслось мимо него и сильнѣйшее движеніе нѣмецкой литературы, которая болѣе всѣхъ другихъ воспитала его—«бурныя стремленія» юной Германіи. Самый романтизмъ нашелъ въ Жуковскомъ зрителя спокойнаго, хотя и участливаго, но вполнѣ независимаго. Словомъ—это была натура своеобразная. Всѣ упомянутыя вѣянія коснулись ея,—но ни одно не захватило и не увлекло за собою. Не потому ли въ исторіи литературы нашей Жуковскій явился на рубежѣ двухъ ея эпохъ—такъ называемаго лже-классицизма съ одной стороны и такъ называемаго романтизма—съ другой? Не получивъ основательнаго образованія, стоя въ этомъ отношеніи ниже и Мерзлякова, и Гнѣдича, и Батюшкова—онъ не «взывалъ однако же къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ и пр.,

затвердивъ одни только имена ихъ»; не «учился и благочестію въ Кандидѣ», не «вопіялъ съ поврежденнымъ сердцемъ и потраченнымъ умомъ противъ невѣжества.» но съ другой стороны, ни Шекспиръ, ни Байронъ, ни даже Шиллеръ не потрясли всецѣло души его и не увлекли съ того пути, по которому онъ двигался, руководимый голосомъ лишь собственнаго сердца.

Самобытной душевной работой всѣ эти наслоенія переплавлялись въ немъ, образуя металлъ новый. Въ этомъ отношеніи природа Жуковского оказалась способною къ сильной переработкѣ воспринимаемаго матеріала— быть можетъ, болѣе сильной, нежели у кого либо изъ его современниковъ. «Точило его духа» было крѣпко, и гроздь претворялся въ немъ въ доброе вино и вытекалъ струею чистою и безпримѣсною.

Можно говорить о недостаткѣ широты воззрѣній Жуковского; можно упрекнуть его даже въ узкости ихъ: но никто не назоветъ ихъ эклектическими и шаткими. Вотъ почему этотъ странный сынъ русскаго помѣщика и бендерской Турчанки, ставшій на рубежѣ двухъ поколѣній русскихъ поэтовъ, при всей мягкости и елейности личнаго характера, могъ явиться такимъ гениемъ-разрушителемъ для направленія, еще властно господствовавшаго при его вступленіи на литературное поприще; изъ обломковъ рухнувшаго зданія выпорхнулъ юный обновитель русской поэзіи. Одному Жуковскому, поэту съ такой своеобразной душою, можно было разрушить всякіе шаблоны предшествующихъ стихотворцевъ, и научить поэтовъ новыхъ тому, чѣмъ должна быть поэзія.